

Ладно-ладно, тогда давай посчитаем. Дата и час рождения нужны?

Цзи Чаоань подпер подбородок одной рукой, уплетая предназначенные для гостей кедровые орешки, и наблюдал за тем, как эти двое дурачатся. Наконец дождавшись, пока они закончат суетиться, он сделал глоток чая, чтобы освежить рот, и произнес:

- Не нужно, мне хватит и мгновения. Сегодня ведь... девятнадцатое число второго месяца?

Старик Гу ответил:

- Именно так.

Тогда Цзи Чаоань сдержал лицо, прикрыл глаза и сел прямо, не шевелясь.

Чай на столе остыл, и его заменили свежим; когда остыл и новый, ребенок наконец медленно открыл глаза.

Староста Гу велел какому-то мальчишке войти и снова сменить чай, а сам с тревожным видом спросил:

- Ну что?

Цюй Фу фыркнул:

- Пустая трата времени и напускная важность.

Цзи Чаоань сказал:

- В Тунхуали, в резиденции Великой старшей старшей принцессы, шестая внучка, княжна Цзиньнин - вполне достойная партия. Господин Цюй может немедленно отправить людей в ее дом свататься.

После этих слов не только Цюй Фу отказался в это поверить, но даже староста Гу, так страстно желавший найти невесту для своего молодого господина, решительно не мог постичь услышанного:

- Не издевается ли над нами молодой господин Цзи? Большая старшая принцесса - родная тетушка самого императора! Хотя сейчас ее влияние и ослабло, она все же принадлежит к императорской родне. А наш молодой господин - всего лишь бедный ученый, у которого и в мыслях нет делать карьеру при дворе, как он может быть достоин княжны?

Цюй Фу гневно воскликнул:

– Старик Гу! Да ты открыто клеветешь на господина! Я обладаю глубокими познаниями, изысканны манерами и написал столько трудов, что ими можно забить целую телегу! С чего это вдруг какому-то жалкому княжне я не ровня?

Однако никто обращал на него внимания. Цзи Чаоань с улыбкой произнес:

– Великая старшая принцесса всегда отличалась добротой и великодушием. Даже если я говорю неправду, максимум, что случится, когда вы явитесь свататься, – вас выругают и вытолкают за дверь. Но если то, что я сказал – правда, и вы упустите этот шанс... другой столь прекрасной партии вам больше не сыскать. К тому же у нас с господином Цюй нет никакой вражды, с какой стати мне нарочно приходить сюда и подставлять людей? Что мне с этого?

Староста Гу бросал недоверчивые взгляды: с одной стороны, его терзали сомнения – с чего бы на свете случаться таким чудесам? – а с другой, он неизбежно поддавался искушению.

В конце концов... почему бы не попытаться? Попробовать уж точно не помешает.

Кто бы мог подумать, что Цюй Фу снова принявшееся ожесточенно качать головой:

– Не годится! Ни за что! Говорят, эта княжна Цзиньнин страшна как смертный грех, ей уже двадцать пять, а она всё сидит в девках – нет уж, мне такая даром не нужна.

Цзи Чаоань возразил:

– Я слышал, что княжна Цзиньнин с малых лет росла при Великой старшей принцессе. Дети, которых эта принцесса воспитывала собственными руками, дурными быть просто не могут.

Цюй Фу хотел было возразить еще, но староста Гу уже принял твердое решение:

– Ладно! Ради великого дела всей жизни молодого господина я пойду и попробую!

Опустим подробности о том, как староста Гу, невзирая на протесты Цюй Фу, извлекал на свет божий фамильные сокровища семьи Цюй – древние свитки и картины, и как эти двое препирались и спорили. В конце концов Цюй Фу привели в идеальный порядок: умыли, причесали и переодели в длинное халат цвета индиго с темным облачным узором, так что его вполне можно было назвать блестящим молодым господином.

В сопровождении Цзи Чаоаня и двух наемных работников с подарочными коробками они направились в Тунхуали на наемной повозке.

Остановившись перед массивными черными воротами Великой старшей принцессы с рядами золоченых гвоздей, староста Гу ухватился за дверное кольцо с клювом феникса и трижды стукнул. Изнутри вышел швейцар в сером одеянии и строго спросил:

– Кто стучит в ворота? По какому делу?

На самом деле староста Гу уже на половине пути оробел, но теперь, когда отступить было некуда, он напустил на себя храбрости, протянул именную карточку и произнес:

– Семья Цюй из Чжулиньли... прибыла с тем, чтобы... п-попросить руки княжны Цзиньнин.

Лицо швейцара мгновенно переменялось.

Правда о жрецах-шарлатанах

Девятнадцатое число второго месяца семнадцатого года Жоуу выдалось на редкость оживленным в большом поместье семьи Цюй в Чжулиньли, где промышляли писанием писем.

Старый домоправитель Гу нанял местных поденщиков, и те вовсю хлопотали по хозяйству: с жаром вычищали двор, вырывали сорняки, засыпали дорожки мелким песком, высаживали цветы и травы.

Он даже отправил людей за мастерами – требовалось заново покрыть лаком все двери, окна, столы и стулья.

Староста Гу сиял от радости, но держал язык за зубами: стоило кому-нибудь полюбопытствовать, как он неизменно отвечал, будто молодой господин решил начать новую жизнь, а потому и порядок в доме наводит с самых азов.

И всё же атмосфера близкого праздника витала как внутри усадьбы Цюй, так и за ее пределами.

Цзи Чаоань вошел в кабинет вслед за Цюй Фу. Тот принялся мерить комнату шагами, дожидаясь, пока наемный работник подаст чай и удалится. Тогда хозяин достал из тайника за книжной полкой тонкий свиток зеленоватой бамбуковой бумаги, бережно разгладил его, прижал края пресс-папье и жестом позвал Цзи Чаоаня подойти взглянуть.

В самом верху той страницы крупным почерком чиновничьего письма было выведено: «Цинбао, выпуск двести четвертый».

Ниже шел перечень новостей, набранных мелким почерком-«мушиными головками», и на первый взгляд все эти сообщения казались совершенно не связанными между собой.

Под вторым номером значилось: «Королева Фань намерена использовать брачный вопрос для ущемления влияния Великой старшей принцессы».

Цюй Фу вздохнул:

- Великая старшая принцесса неизменно благоволила к старшему и третьему принцам, рожденным в бытность покойной императрицы, и для королевы Фань это как кость в горле. Я полагаю, что если дело дойдет до замужества, то главный удар придется именно на княжну Цзиньнин... Вот почему я не стал упорствовать и мешать старику в его затее. Впрочем, твои сведения подоспели как нельзя вовремя – ты ведь заранее узнал, что сегодня кто-то отправился мутить воду в резиденцию Великой старшей принцессы.

Цзи Чаоань вздохнул:

- Да откуда у меня каналы для информации? Разве не пришлось ради этого идти к господину Цюй за новостями?

Цюй Фу недоверчиво уставился на него:

- И впрямь сам нагадал?

Цзи Чаоань с серьезным видом ответил:

- Повезло угадать, ведь не каждый раз получается безошибочно предсказать. Впрочем... если к моим предвидениям прибавить способности господина Цюй, то какое же великое дело не удастся завершить?

Цюй Фу остолбенел:

- Какое еще великое дело?

Цзи Чаоань с улыбкой произнес:

- Дело, которое прославит на весь мир сочинения Великого мастера из Бэйчуаня.

Эти слова угодили прямо в сердце Цюй Фу. Его лицо слегка покраснело, и он с наигранным упреком бросил:

- Ах я старый осел! Стоит только подвесить перед носом морковку, как я тут же послушно бегу следом за тобой!

Цзи Чаоань по-прежнему улыбался:

– Так что же думает господин Цюй?

Цюй Фу сердито отрезал:

– Оставь пустые разговоры! Выкладывай, что от меня требуется, я сперва послушаю.

Тогда Цзи Чаоань извлек исписанный густым почерком лист бумаги и протянул его собеседнику, а затем раскрыл сверток и выложил на край письменного стола пятнадцать запрещенных книг.

Цюй Фу взял листок, бегло просмотрел его, и уголки его губ невольно задергались:

– Ну конечно, я так и знал, с порога делаешь мне такой щедрый подарок... Уж точно замышляешь недоброе! На все эти дела уйдет немало серебра.

Цзи Чаоань вздохнул:

– Если бы не это, стал бы я ломать голову над тем, как привлечь на свою сторону господина Цюй.

Он не успел договорить, как вдруг почувствовал резкую боль в щеке – Цюй Фу протянул руку и ущипнул его.

Цюй Фу цокнул языком с видом крайнего удивления:

– И впрямь ребенок, не притворяется... До чего же дерзкое пошло молодое поколение, до чего дерзкое! Как это старина Цзи Лю умудрился произвести на свет такое одаренное сокровище?

Цзи Чаоань зажал щеку ладонью, одновременно чувствуя и досаду, и веселье:

– Если господин Цюй завидует, пусть сам заведет парочку детей.

Цюй Фу хихикнул, скорчив совершенно похабную физиономию:

– Скоро, скоро.

Еще недавно он вовсю нос воротил от княжны, заявляя, что она страшна как грех и он скорее умрет, чем женится на ней, а теперь уже вовсю подсчитывает, сколько завести детишек.

Настоящий хамелеон – меняет мнения быстрее, чем страницы в книге.

Цзи Чаоань презрительно поморщился.

Цюй Фу потерял щеку и уже серьезно произнес:

– Что до этого первого дела, то из уважения к отцу, господину Цзи Лю, я берусь за него бесплатно.

Он положил ладонь на стопку из пятнадцати книг и с брезгливой гримасой покачал головой:

– Ну и мерзавцы же авторы этих пасквилей, просто безумцы! Так ловко стряпать доносы и подставлять коллег... Хорошо еще, что я как раз собирался подписать контракт с Издательством «Цинтэн», вовремя одумался.

Цзи Чаоань закивал:

– Издательство «Цинтэн» определенно замышляет недоброе!

В прошлой жизни Цюй Фу угодил именно в их ловушку: издательство подстроило всё так, чтобы заставить его заняться редакцией и публикацией собрания сочинений Великого мастера из Бэйчуаня за прошлые годы. Стоило ему сдать рукопись, как ее тут же перенаправили Посланнику Дунмин, и ученого арестовали по обвинению в распространении еретических учений.

Толковый глава тайной сети так пострадал за слово. И хотя ему чудом удалось сохранить жизнь, сам он был жестоко сломлен. Мало того, его принудили подписать с Издательством «Цинтэн» кабальный договор, равносильный продаже в рабство, и все последующие годы он был вынужден под псевдонимом Мэнлан из Юйлина стряпать пошлые бульварные романчики, приносящие издательству баснословные барыши.

Цюй Фу, ни о чем не подозревая и избежав страшной беды, лишь с улыбкой кивнул, продолжая читать. Поразмыслив, он произнес:

– Второе дело – отыскать человека в Дунчжэне, причем сделать это тихо, не привлекая внимания... У меня как раз на примете есть подходящая кандидатура. Считай это тренировкой, с тебя ничего не возьму, оплатишь только сопутствующие расходы.

Цзи Чаоань кивнул:

– Само собой.

Цюй Фу слегка наклонил голову и продолжил:

- А вот всё, что идет дальше... за это придется платить по полной программе, здесь без серебра не обойтись. Через два месяца у меня свадьба, расходов предстоит бездна, а сбережения мои тонки, выложить свои не смогу - так что работа пойдет только после предоплаты.

Цзи Чаоань вздохнул:

- Я понимаю... Именно поэтому я и хочу вести дела с господином Цюй - сначала нужно немного заработать, а уж потом браться за остальное.

Обсудив еще кое-какие детали, Цюй Фу подошел к окну и окликнул слугу:

- Эй, поди сюда, позови Сяо Ци.

Вскоре в кабинет постучал молодой паренек. Опустив голову, он почтительно поклонился и громко произнес:

- Господин Цюй, вы звали?

Цюй Фу сказал:

- Сяо Ци, ты всё равно слоняешься у меня без дела, так что я нашел тебе поручение... Эй, Чаоань? Ты чего это прячешься?

Цзи Чаоань с каменным выражением лица вышел из-за книжного шкафа.

Юноша и Цзи Чаоань уставились друг на друга во все глаза, и первый вырвалось:

- Опять ты!

Цюй Фу изумленно перевел взгляд на них:

- Как, вы знакомы?

Цзи Чаоань усмехнулся:

- Судьба свела тесно.

Паренек возмутился:

– Да кто с тобой тесно знаком?!

Цзи Чаоань повернулся к Цюй Фу:

– Его ведь зовут Юань Ци?

Цюй Фу ответил:

– Совершенно верно.

Лицо Юань Ци мгновенно залило краской.

Цзи Чаоань не стал его разоблачать и лишь с полуулыбкой оглядел юношу:

– Раз это Юань Ци, значит, я не ошибся.

Юань Ци отвесил Цюй Фу низкий поклон и глухим голосом произнес:

– Простите, господин, но я, боюсь, не смогу выполнить поручение и помочь этому юному господину.

Цюй Фу поинтересовался:

– Почему же?

Юань Ци пояснил:

– Этот молодой господин – тот самый человек, из-за которого погиб мой наставник. Моя совесть чиста, но я опасаясь, что этот юный господин не сможет мне довериться.

Цюй Фу снова с удивлением посмотрел на Цзи Чаоаня и хлопнул себя по подлокотникам кресла:

– Так того работорговца Сюань Людао тоже ты скрутил? Ай да малец! Ты кто такой на самом деле? Неужто в тебя вселился какой-то древний демон?

Цзи Чаоань ответил с абсолютно невозмутимым видом:

- Имени своего не меняю, прозвищ не скрываю – самый настоящий Цзи Чаоань. Просто мне немного повезло всё верно рассчитать, вот и всё.

Он пристально заглянул в глаза Юань Ци и уже серьезно произнес:

- У меня есть одно чрезвычайно важное дело. Мне нужно, чтобы ты отправился в Дунчжэнь и отыскал там человека. Справишься?

Юань Ци опешил:

- Э-э... молодой господин Цзи доверяет мне?

Цзи Чаоань улыбнулся:

- Я доверяю господину Цюй. А раз он тебя порекомендовал, значит, верю и тебе.

Глаза Юань Ци слегка покраснели, плечи задрожали. Сделав глубокий вдох, он твердо произнес:

- Раз молодой господин Цзи доверился мне, Юань Ци не подведет.

Цюй Фу прищурился и, дождавшись, пока Юань Ци выйдет из кабинета, многозначительно произнес:

- Ну ты и смельчак, Чаоань, раз не боишься брать на работу личных врагов.

Цзи Чаоань ответил:

- Я только что говорил чистую правду: я доверяю господину Цюй.

Цюй Фу с размаху ударил ладонью по столу, заставив стоявшую на нем чайную чашку подпрыгнуть и со звоном стукнуться о соседнюю. Залившись смехом, он воскликнул:

- Ай да малец! Глаз алмаз, смекалки не занимать! Я, Цюй Фу, в торговле прежде всего ценю честность и детей обманывать не привык!

Цзи Чаоань поморщился:

- Даже когда я вырасту, не смей меня обманывать.

Цюй Фу расхохотался:

– Не буду, не буду!

Цзи Чаоань продолжил:

– Раз уж зашла речь, выдам тебе еще одну новость в придачу.

Он указал на самую последнюю строчку в Цинбао: «Поздней ночью семнадцатого внезапно слег с тяжелой болезнью благородная супруга Сяо, а в час быка скончалась. Под предлогом опасности распространения заразы лекари из императорской лечебницы изолировали всю прислугу, и теперь неизвестно, куда все они подевались».

Взгляд мальчика слегка потемнел.

В прошлой жизни родная мать Чу Че прожила на несколько лет дольше. После того как он сам вошел в Резиденцию герцога Чигу, однажды во время визита во дворец благородная супруга Сяо отчитывала его на чем свет стоит, тыча пальцем в лицо и обвиняя в распущенности и легкомыслии: мол, пользуясь своей красотой, он соблазнил Шестого принца.

Она была простодушной и невероятно легко управляемой пешкой.

С чего бы вдруг на этот раз она скончалась от внезапной болезни без каких-либо предвестников?

Он произнес:

– Семнадцатого числа Шестой принц заходил в мою лавку, и по воле случая я узнал, кто он такой.

Пересказав их разговор с Чу Че слово в слово, Цзи Чаоань добавил:

– Тогда он был потрясен и поспешно ушел. Если господин Цюй мне не верит, может спросить Юань Ци – в тот день он видел его снаружи, правда, самого Шестого принца не узнал.

Цюй Фу задумался:

– Шестой принц нарушил запрет императора и отправился на твои поиски, а стоило им встретиться, как в ту же ночь скончалась благородная супруга Сяо... Уж слишком много совпадений.

Цзи Чаоань тихо кивнул и повторил:

- И впрямь слишком много совпадений.

Обсудив все вопросы, Цзи Чаоань поднялся, собираясь уходить.

Но Цюй Фу остановил его:

- Постой-ка, Чаоань.

Не успел Цзи Чаоань спросить, в чем дело, как Цюй Фу резко подался вперед, подхватил мальчика под мышки и единым движением взметнул высоко в воздух.

Цзи Чаоань замер от ужаса.

А Цюй Фу залился громким смехом и провозгласил:

- Полетели высоко-высоко!

И с этими словами он на всех парах помчался с ним на руках из кабинета прямо во внутренний двор. Суетившиеся там слуги и помощники давно привыкли к подобным играм хозяина с детьми, так что никто даже глазом не моргнул.

Цзи Чаоань чувствовал лишь, как свистит в ушах ветер, а весь мир вокруг закружился в водовороте. Когда его наконец опустили на землю, голова все еще шла кругом от легкого головокружения, и он растерянно бормотал:

- Н-наглость... Как ты посмел... так со мной... принцем...

Говорил он слишком тихо, и Цюй Фу ничего не расслышал, решив, что мальчик просто перепугался, и снова легонько потрепал его за нежные розовые щечки.

Цзи Чаоань поморщился от боли, смахнул обе руки Цюй Фу и гневно уставился на него.

Сквозь листву камфорного дерева пробивались лучи солнца, рассыпая по земле мелкие золотистые пятна света. Они падали на худощавое лицо советника - человека, чье имя когда-то гремело по всему Луоцзину в паре с титулом «Журавль южных гор, цапля Бэйчуаня». В его глазах светилось нечто теплое и яркое, похожее на горячий источник посреди ледяной пустыни.

Цюй Фу улыбнулся:

- Ты же ребенок, к чему тебе вечно строить из себя старого ворчуна и быть тише воды ниже травы? Если небо рухнет, найдется кто-нибудь повыше, кто примет удар на себя. Куда лучше быть живем и капризничать, посмотри хоть на этих моих чертенят во дворе.

В передней части двора малыши, выдергивавшие сорняки, гонялись друг за другом, оглашая воздух визгами и хохотом и раскидывая ногами аккуратно сложенные кучи травы. Староста Гу, уперев руки в боки, громко бранил их и распекал, впрочем, без особого успеха.

Цзи Чаоань лишь свирепо зыркнул на Цюй Фу и решительно зашагал прочь.

А Цюй Фу остался стоять позади, подсадив на шею трех-четырёхлетнюю девочку и напевая на бегу во весь голос:

- Солнце встало на востоке, едет сын мой на драконе...

Малышка заливисто хохотала от восторга.

Вернувшись домой, Цзи Чаоань едва успел переступить порог кабинета, как на него тут же бросилось Маленькое Деревце Хуай. По привычке подхватив кролика на руки и рассеянно погладив, он даже не стал проверять у него уроки - смертельно уставленный, рухнул на бамбуковую тахту. Глядя на причудливые узоры деревянного потолка, он продолжал сохранять суровый вид, а между бровей залегла привычная складка.

На словах всё выглядело просто, но заставить этот механизм работать значило выстроить сложную цепочку взаимосвязанных шагов, где каждый следующий зависел от предыдущего.

В прошлой жизни именно в этот день, девятнадцатого числа второго месяца, в день рождения княжны Цзиньнин, королева Фань под предлогом вручения поздравительного подарка явилась к ним с визитом, соизволив опуститься до этого. Под предлогом того, что княжне уже исполнилось двадцать пять, а она всё еще не замужем и позорит весь императорский род, она намеревалась прямо на месте насильно выдать ее замуж за угодного ей человека.

Великая старшая принцесса, разумеется, встала на защиту внучки. Однако клан Фань находился на пике своего могущества, а королева Фань вела себя дерзко и властно, так что в конце концов она прижала принцессу к стенке, заставив дать слово: если в течение трех дней кто-нибудь посватается за княжну, то ей позволено будет выйти замуж по собственной воле; если же желающих не найдется, судьбу девушки решит сама королева.

Когда об этом стало известно, весь двор и столица в страхе перед могуществом клана Фань затаились, и за три дня не нашлось ни единого смельчака, рискнувшего переступить порог с предложением о браке.

Не желая подчиняться воле королевы Фань, княжна Цзиньнин на третий день сбрила волосы и

ушла в монахини.

Великая старшая принцесса тяжело заболела и с тех пор слегла окончательно, а у старшего и третьего принцев, чьи сторонники и без того были наперечет, отвалилось еще одно плечо.

И... именно тогда, в дни полного краха, бродяжничавший Цюй Фу случайно встретил постригшуюся в монахини княжну. Они прониклись друг к другу искренним чувством, став родственными душами, после чего страсть захлестнула их с головой, перерядясь в тайную связь.

Когда всё вскрылось, княжна Цзиньнин покончила с собой, проглотив золото, а Цюй Фу приговорили к смертной казни через расчленение.

Но он не покорился приговору и бежал в Земли Семи Путей Мерети.

Позднее, когда Гао Хуай поднял мятеж, Цюй Фу примкнул к нему в качестве советника и стал доверенным лицом самого Гао Хуая, его главным стратегом. Наряду с Нань Угуем, служившим Гао Яо, их называли «Журавль южных гор, цапля Бэйчуаня».

Гао Хуай всегда отличался сумасбродным нравом, а потерявший возлюбленную Цюй Фу превратился из широко мыслящего, свободного духом ученика мудрецов в озлобленного безумца. Эти два демона быстро сошлись, спевшись в грязных делах и сжив со света белого невесть сколько представителей знати Четырех Духов.

Конечно, среди духов были и те, кто заслужил кары, однако многие погибли совершенно ни за что.

Цзи Чаоань тщательно рассчитал время: когда он приходил на встречу с Цюй Фу, то между делом бросил несколько фраз старосте Гу, намекая на то, что этому дому отчаянно не хватает хозяйки.

Для старого слуги это годами было больной мозолью, и стоило чуть-чуть подтолкнуть его, как он сам загорелся идеей сватовства.

Дальше всё пошло как по маслу: пока королева Фань и Великая старшая принцесса ударяли по рукам, закрепляя уговор, бедный ученый Цюй Фу уже стучался в ворота с предложением руки и сердца, звонко щелкнув по носу высокомерную королеву так, что та даже придраться ни к чему не могла.

Великая старшая принцесса, ухватившись за свалившееся с небес спасение, в тот же день назначила свадьбу на два месяца позже, чтобы избежать дурных неожиданностей.

А поскольку королева Фань была замешана не только в деле об исчезновении молодых

девушек, но и, судя по всему, в покушении на книжную лавку Цзи Чаоаня, сам он нисколько не возражал лишний раз отравить ей жизнь.

К тому же... можно считать, что он помог соединиться двум любящим сердцам.

Одной не придется уходить в монастырь и глотать золото, другому – сходить с ума от жажды мести и превращаться в злобного советника, подбивающего Гао Хуая на злодеяния. Все остаются в выигрыше, и каждый счастлив.

Цзи Чаоань вздохнул, подумав про себя: у вас у всех ладится с личной жизнью, а где искать свою судьбу мне? Впрочем, сердце моё остыло, любить я больше не способен, так что пускай всё идет кувырком – женюсь на ком попало, хоть на мужчинах, хоть на женщинах, заведу гарем из трех жен и четырех наложниц...

Пока он предавался этим мыслям, серый кролик устроился у него на груди и принялся подозрительно принюхиваться. Внезапно зверек издал истошный писк чистейшего возмущения и впился зубами в рукав хозяина, отчаянно пытаясь его разорвать.

С резким треском левый рукав одежды Цзи Чаоаня разошелся по шву.

Знакомое до тошноты ощущение сильного, яростного рывка заставило Цзи Чаоаня резко перемениться в лице. Не раздумывая, он откинул руку и швырнул Маленькое Деревце Хуай – всё еще пытавшееся продолжить расправу над его одеждой – прямо на пол под кровать.

Серый кролик издал два коротких вопля: первый – от удара ладонью, второй – от шлепка приземления на жесткий пол.

Мгновенно перевернувшись на все четыре лапы, зверек уставился на хозяина с таким пламенем ярости в глазах, что казалось, будто она вот-вот обретет плоть. Мало того, что Цзи Чаоань заявился домой, смердя чужаком, так он еще и посмел сбросить его с кровати?!

Тут уж стерпеть было решительно невозможно!

Серый кролик издал нечто среднее между писком и воплем, но в последний момент подавил крик, сменив гнев на полнейшее, звенящее непонимание.

<http://bllate.org/book/21199/2145924>